УДК 343.2 DOI: 10.22394/2074-7306-2020-1-1-127-130

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПОГРЕШНОСТИ ПРИ КОНСТРУИРОВАНИИ СТАТЕЙ ОБЩЕЙ ЧАСТИ УК РФ

Панько Кирилл Константинович доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, Воронежский государственный университет (394018, Россия, г. Воронеж, пл. Ленина, 10А, корпус 9). E-mail: panko_kiril@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема законотворческих погрешностей на примере конструирования отдельных статей Общей части Уголовного кодекса РФ с точки зрения законодательной техники, выявляется природа подобных ошибок, предлагаются пути их преодоления.

Ключевые слова: *аутентическое толкование, время, дефиниция, законодательная техника, ошибка, рецидив, состав преступления, термин, уголовный закон, штраф.*

Аксиоматична, общеизвестна и проста истина, будто не ошибается тот, кто ничего не делает. Наш парламент (и в сфере уголовного правотворчества) отличается столь буйной производительностью, что уже принято говорить об инфляции отраслевого законодательства. Вот факты: а) в 1998 году Минюст России обсчитал общее количество действующих в стране нормативных актов, и их оказалось 1,5 миллиона; б) в 2019 году российский парламент принял около 650 ФЗ, а ещё более 4 000 поправок внесено в действующее федеральное законодательство; в) 14 января 2020 года, открывая весеннюю сессию Государственной Думы, её председатель В.В. Володин объявил о портфеле из 1233 законопроектов. В целом же «ограничения и запреты настолько опутали россиян, что творчество в любой сфере уже рассматривается если не как правонарушение, то как девиация» [1].

Следственно, в силу социологических закономерностей (больше дел – больше брака) законодательных погрешностей в сфере борьбы с преступностью должно быть много, и это соответствует действительности. Но упущения в данной области государственного регулирования особенно нетерпимы по той причине, что уголовное право отличается повышенной принудительностью или «гвардейской правоспособностью» (М.Е. Салтыков-Щедрин), что оно травмирует наказываемую личность «самым непосредственным и грубым образом» [2, с. 17]. Нормотворческих ошибок именно в уголовно-правовой области объективно должно быть меньше, чем в других юридических отраслях, поскольку криминалисты первыми и наиболее продуктивно стали разрабатывать теорию законотворчества, что привело ещё в XIX веке к созданию *высоконравственной* теории под названием «обоснование права наказывать»[1] [3], а во второй половине XX века – к изготовлению для отечественных парламентариев уже *прагматического* руководства, обычно именуемого «теория криминализации и пенализации общественно опасных деяний»[2] [4]. Следовательно, задача науки заключается в постоянном обследовании отраслевого нормативного материала на предмет обнаружения в нём упущений различного масштаба и выдвижении адекватных предложений по их устранению либо минимизации.

Говорить о погрешностях действующего уголовного закона можно достаточно долго, поскольку материала для подобных бесед, к сожалению, хватает – это и исключение конфискации имущества из видов наказания; и ликвидация нижних пределов наказания в виде лишения свободы в санкциях статей об ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления; и декриминализация неосторожного причинения вреда здоровью средней тяжести; и уклонение от криминализации такого деяния, как незаконное обогащение; и недопустимо гуманное отношение к профессиональной преступности и криминальному рецидиву [5].

В то же время целесообразно упомянуть и о других недостатках в формулировании отдельных статей, которые на данный момент еще не замечены либо не подвергаются обильной критике.

[1] Предположительно, пионерский труд в данном направлении принадлежит *Л. Цветаеву* [См.: источник 3].
[2] Наиболее полно изложена в коллективном труде [См.: источник 4]

На сегодняшний день уже во многие кодифицированные нормативные акты российский законодатель вводит отдельные статьи, которые посвящены дефинированию самых сложных для практики слов, понятий и терминов, используемых в соответствующем законе. Подобный юридико-технический подход получил широкое распространение и в праве зарубежных стран; в частности, в уголовных законах бывших советских республик и государствах социалистического содружества (Беларусь, Болгария) и ряде европейских стран (Германия, Голландия, Польша и др.).

Так как юристы-практики объективно нуждаются в аутентическом разъяснении многих понятий, применяемых в уголовном законодательстве, целесообразным видится введение в национальный УК специализированной статьи для формулирования дефиниций в отношении наиболее трудных для унифицированного толкования выражений и терминов. Подобных словообразований в тексте отраслевого закона множество, буквально не сосчитать, поэтому назовём самые распространённые в практике: 1) беспомощное состояние; 2) использование служебного положения; 3) крупный ущерб (размер); 4) насилие (опасное/не опасное для жизни и здоровья лица); 5) пытка; 6) хулиганские побуждения и т.д. Появление в национальном уголовном законе подобной статьи позволило бы использовать данный приём юридической техники по его прямому назначению и освободить текст Уголовного кодекса от многочисленных примечаний к конкретным статьям.

Очевидная погрешность содержится в предписании части 2 статьи 9 Уголовного кодекса РФ, устанавливающей, что временем совершения преступного посягательства признаётся время совершения общественно опасного деяния (действия, либо бездействия) вне зависимости от времени наступления общественно опасных последствий. Здесь наблюдается разрыв логической связи событий. В преступлениях с материальным составом последствия выступают в качестве обязательных признаков объективной стороны, т. е. посягательство считается оконченным лишь после наступления общественно опасных последствий. Таким образом, строго по тексту ч. 2 ст. 9 УК РФ преступление считается уже оконченным и потому должен применяться действовавший в момент совершения преступного деяния закон, вносящий изменения в предыдущий уголовный закон, при том, что последствия ещё не наступили и оснований для привлечения к уголовной ответственности юридически не имеется. Для устранения данной ошибки необходимо внести изменения в формулировку статьи 9 УК РФ с тем, чтобы она учитывала наличие не только формальных, но и материальных составов и признавала временем совершения преступного деяния «время совершения общественно опасного деяния (действия/бездействия) или время наступления общественно опасных последствий в случаях, когда они предусмотрены уголовным законом».

Упрощения и уточнения требует также конструкция статьи 18 УК РФ «Рецидив преступлений». Подробный критический анализ данной статьи обнаруживает, что законотворец при текстуальном формулировании данного правового института использовал следующие критерии: а) форма вины; б) количество судимостей; в) категория преступлений; г) вид наказания в виде лишения свободы.

В отечественном уголовном праве действительно существует множество различных оснований (критериев) для (при) установления видов рецидива, а именно (такие как):

1) количество судимостей лица и умышленная форма вины (ч. 1 ст. 18 УК);

2) количество судимостей, умышленная форма вины, назначенный вид наказания в виде лишения свободы (реальность его отбывания[1]), определённая категория совершённых преступлений – первая (одна из) возможность признания рецидива опасным (п. «а» ч. 2 ст. 18 УК);

3) количество судимостей, умышленная форма вины, совершение преступлений относящихся к определённой категории, наказание в виде лишения свободы – вторая возможность признания рецидива опасным (п. «б» ч. 2 ст. 18 УК);

4) количество судимостей, умышленная форма вины, совершение преступлений, относящихся к определённым категориям (п. «б» ч. 3 ст. 18 УК).

Находим, что отмеченная множественность критериев существенным образом усложняет регулирование данного правового института, порождая ситуацию, в которой значимость «особо опасного рецидива» и степень его общественной опасности станет меньше, чем степень общественной опасности «опасного рецидива». Подобное положение безальтернативно приведёт к несоразмерности наказания за причинённый вред и нарушению принципа справедливости.

Выходом из сложившейся ситуации является уменьшение количества перечисленных выше критериев, ныне используемых законодателем для разделения рецидива на виды. В связи с тем, что умышленная форма вины является общим признаком для всех категорий рецидива, ука-

[1] Так называемая «реальность» лишения свободы появилась в УК РФ 8 декабря 2003 г. и, по-видимому, подразумевает, что к преступнику до того не применялась ст. 73 УК РФ об условном осуждении.

зание на неё следует оставить исключительно в ч. 1 без упоминания в частях 2 и 3 ст. 18 УК РФ. Разумно исключить из критериев и ссылку на такой вид наказания как лишение свободы, что создаёт ситуацию несоразмерности наказания при тяжких формах рецидива. Таким образом, нужно упростить ч. 2 и ч. 3 ст. 18 УК РФ путём сохранения только двух критериев деления рецидива на виды, а именно: а) количество предшествующих судимостей; б) категории совершенного преступного посягательства.

В качестве ещё одной ошибки нашего парламента можно назвать очень специфическое решение вопроса об исполнении штрафа, применённого в отношении несовершеннолетних лиц. В соответствии с законодательством данный вид наказания может назначаться лицу как при наличии у него заработка, так и при его отсутствии. Отсюда суд имеет право возложить штраф на родителей виновного или иных законных представителей с их согласия в соответствии с ч. 2 ст. 88 УК РФ. Причина очевидна: несовершеннолетний виновный чаще всего не имеет своего имущества и самостоятельного заработка, на которые может быть обращено денежное взыскание. Однако обременение наказанием другого невиновного лица противоречит: а) основополагающим принципам уголовного права (а именно, принципу справедливости и принципу гуманизма, закреплённым в статьях 6 и 7 УК РФ соответственно); б) легальным основаниям привлечения к уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ) и, безусловно, самой дефиниции наказания, сформулированной в статье 43 УК РФ. По нетленным началам уголовного права основанием отраслевой ответственности любого человека является совершение лично им деяния, содержащего все признаки состава конкретного преступного деяния. Посему взыскание штрафа, который был назначен несовершеннолетнему лицу, с его родителей (или законных представителей), даже при наличии их согласия, противоречит закреплённому в уголовном законе понятию наказания, которое применяется исключительно к лицу, признанному виновным в совершении преступного посягательства.

Предложенный в действующем УК РФ вариант возложения наказания, назначенного несовершеннолетнему, на его родителей или его законных представителей, представляется непоследовательным, поскольку парламент не устанавливает возможности отбывания иных известных уголовному закону видов наказаний третьими лицами вместо несовершеннолетнего (к примеру, часто применяемых обязательных работ или лишения свободы на определённый срок). Тем самым законодатель выделяет штраф из всех видов наказаний в какой-то привилегированный вид со специфическими вариантами его исполнения. Очевидно, что подобная ситуация должна быть решена методом унификации или выбора одного из трёх гипотетически возможных вариантов решения проблемы: первое – предусматривается возможность по решению суда отбытия любого наказания, назначенного несовершеннолетнему правонарушителю, его родителями (законными представителями) вместо непосредственного виновника; второе – допускается возможность отбытия всех видов наказания несовершеннолетним совместно с его родителями либо законными представителями; и третье – категорически запрещается переложение обязанности отбывания наказания на любое лицо кроме преступника. Мы – сторонники последнего варианта решения проблемы, то есть коррекции действующего ныне и весьма спорного решения нашего законодателя.

Ошибка логического характера допущена депутатским корпусом и при конструировании ст. 62 УК под названием «Назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств», т. к. она посвящена только двум из десяти возможных: 1) явке с повинной; 2) оказанию медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступного посягательства. Лишь при наличии обстоятельств, предусмотренных пунктами «и» и «к» части 1 статьи 61 Уголовного кодекса РФ срок или размер наказания не могут превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания. Отсюда возникает естественный вопрос: «С какой целью законодатель предусмотрел целый перечень обстоятельств, смягчающих наказание (в статье 61 УК РФ), если их наличие не влечет за собой правовых последствий, предусмотренных статьей 62 уголовного кодекса»?

Для устранения этой ошибки необходимо аннулировать статью 62 УК РФ, а статью 61 УК РФ дополнить, закрепив правило, в соответствии с которым: «При наличии любого из перечисленных в части 1 настоящей статьи смягчающего обстоятельства или их совокупности срок или размер наказания не могут превышать трех четвертей максимального срока или размера наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части».

Литература

1. *Гилинский Я.И.* Запрет как криминогенный (девиантногенный) фактор // Российский криминологический взгляд. 2009. № 3. С. 302 – 311.
2. *Пашуканис Е.Б.* Общая теория права и марксизм. 3-е изд. М., 1929. 136 с..

3. *Цветаев Л.* Начертание теории уголовных законов (Слово о взаимном влиянии наук на законы и законов на науки в день торж. празднов. И.М.У…, июня 30 дня 1805 г., говоренное Львом Цветаевым). М., 1825.
4. Основания уголовно-правового запрета: Криминализация и декриминализация / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. М., 1982. 303 с.
5. *Кузнецова Н.* Мнение учёных о реформе УК (или Qui prodect?) // Уголовное право, 2004. № 1. С. 26 – 27.

***Panko Kirill Konstantinovich**,* doctor of law, professor of the Department of criminal law, the Voronezh state University (building 9, Lenin square, 10A, Voronezh, 394018, Russian Federation).
E-mail: panko_kiril@mail.ru

THE LEGISLATIVE MISTAKES AT DESIGNING ARTICLES OF THE GENERAL PART OF THE CRIMINAL CODE

Abstract

The article deals with the problem of legislative mistakes on the example of constructing individual articles of the General part of the Criminal code of the Russian Federation from the point of view of legislative technology, reveals the nature of such mistakes, and suggests ways to overcome them.

Keywords*: authentic interpretation, time, definition, legislative technique, error, recidivism, crime, term, criminal law, fine.*

References

1. Gilinskij YA.I. Zapret kak kriminogennyj (deviantnogennyj) faktor // Rossijskij kriminologicheskij vzglyad. 2009. № 3. S. 302 – 311.
2. Pashukanis E.B. Obshchaya teoriya prava i marksizm. 3-e izd. M., 1929. S. 135.
3. Cvetaev L. Nachertanie teorii ugolovnyh zakonov (Slovo o vzaimnom vliyanii nauk na zakony i zakonov na nauki v den' torzh. prazdnov. I.M.U…, iyunya 30 dnya 1805 g., govorennoe L'vom Cvetaevym). M., 1825.
4. Osnovaniya ugolovno-pravovogo zapreta: Kriminalizaciya i dekriminalizaciya / Otv. red. V.N. Kudryavcev, A.M. YAkovlev. M., 1982. S. 303.
5. Kuznecova N. Mnenie uchyonyh o reforme UK (ili Qui prodect?) // Ugolovnoe pravo. 2004. № 1. S. 26 – 27.

УДК 342.9 DOI: 10.22394/2074-7306-2020-1-1-130-134

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Воронцов Сергей Алексеевич доктор юридических наук, профессор кафедры процессуального права, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 70/54).
E-mail: raven_serg@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются особенности противодействия коррупции на региональном уровне, исследуются причины низкой эффективности антикоррупционных мер, формулируются предложения, которые, по мнению экспертов, могут реально способствовать снижению уровня коррупции в российском обществе.

Ключевые слова: *коррупционные риски, противодействие коррупции, пораженные коррупцией сферы, элитарный уровень, региональный уровень, субъекты противодействия коррупции, меры, эффективность противодействия, экспертный опрос, меры и предложения.*

Вопросы противодействия коррупции, начиная с момента подписания Президентом России Д.А. Медведевым 25 декабря 2008 года Федерального закона «О противодействии коррупции»[1], находятся в центре внимания органов государственной власти и местного самоуправле-

[1] О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 15.02.2016 г.) // «Собрание законодательства РФ». 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.